

РУССКИЕ СЕКТАНТЫ в отечественной литературе и публицистике (Христианско-апологетический аспект)

Константин ПРОХОРОВ, Омск, Россия

«Богословские размышления» / «Theological Reflections». №16, 2016, с. 177-191 © К. Прохоров, 2016

Аннотация

В статье рассматривается отражение истории русского евангельского движения в русской классической литературе и публицистике. Она знаменует собой типологическое сходство между некоторыми апологетическими православными и евангелическо-баптистскими источниками, подчеркивая особый характер «русского христианства», в отличие от любой «иностранной веры». Среди российских протестантов растет интерес к еkkлезиологической сакраментологии, тайнствам и их общей истории с православием; они любят труды отцов церкви. Православные люди осознают важность Библии, роль твердой церковной общины и проповеди Евангелия, доступной для всех. Эти точки соприкосновения создают предпосылки для начала плодотворного диалога.

Ключевые слова: евангельское движение, протестантизм, православие, апологетика, диалог.

Об авторе

Константин Прохоров окончил исторический факультет Северо-Казахстанского университета и Одесскую богословскую семинарию ЕХБ. Магистр богословия и доктор философии (PhD – IBTS, Прага, Чехия / университет Уэльса, Великобритания) в области истории протестантизма. Историкограф Союза евангелическо-баптистской церкви в Омской области. Публиковался в журналах: «Грани», «Континент», «Богомыслие» и др. Автор нескольких книг, опубликованных в России, Германии, Великобритании и США. Женат, трое детей.

Как многолюдные собрания редстокистов (позднее именовавшихся пашковцами) в Санкт-Петербурге, так и многочисленные штундистские общины в Малороссии и за её пределами в последней трети XIX – начале XX вв., не остались незамеченными в российском обществе. Они нашли широкое освещение как в отечественной публицистике, так и в художественной литературе. Например, Н.С. Лесков, один из критиков евангельского движения в России, в 1884 г. опубликовал любопытный рассказ «Два свинопаса», в котором, основываясь на реальных происшествиях своего времени, подметил некоторые различия во взглядах великосветских петербургских редстокистов и малороссийской крестьянской штунды.

В Петербурге юный кадет выстрелил в девушку, не пожелавшую выйти за него замуж, и причинил ей тяжёлые увечья. Преступника судили и приговорили к длительному сроку заключения. Однако при посещении тюрьмы высокопоставленными редстокистами, бывший кадет трогательно «раскался в грехах», и те использовали свои связи для необыкновенно скорого освобождения из-под стражи нового единоверца. Затем он сделался образцовым членом общины редстокистов и пел вместе с ними, что стал «снега белей». Иронизируя над данным происшествием, Лесков вместе с тем серьёзно замечает, что наученный протестантами о спасении *только* верою, бывший кадет отнюдь не ощущал какой-либо необходимости *отсрадать* за свой ужасный грех и, увы, больше не проявил никакого интереса к покалеченной им девушке.

Вторая часть того же рассказа Лескова показывает, что он в то же время испытывал некоторые симпатии к штундистской строгости в вопросах веры и общественной дисциплины.^[1] Автор описывает ещё одну неприглядную историю, на сей раз имевшую место в некоей евангельской общине на юге России. Молодой крестьянин-штундист изменил жене и стал отцом незаконно рождённого ребёнка. Узнав об этом, единоверцы исследовали дело и определили следующее наказание: виновному – разделить землю и всё своё имущество на две части, первую из которых сохранить за собой и своей семьёй, а вторую – отдать для содержания соблазнённой им женщины и их общего ребёнка. В случае несогласия с братским решением виновному предлагалось идти «пасти свиней» (Лк. 15.13-15) – эвфемизм, указывавший на изгнание из общины. В конечном итоге, согрешивший штундист попросил у всех прощения и был вынужден согласиться с определённым ему наказанием. В заключение этой истории Лесков пишет:

Никакое знание всяких текстов и стихов ему в облегчение вины его не послужило... Два эти случая исправления грешников, неодинаковым способом, может быть, помогут кому-нибудь уяснить себе разницу в нравах и в

^[1] О симпатиях Н.С. Лескова к народному и не всегда православному богоискательству см., напр.: Ильинская Т. Феномен «разноверия» в творчестве Н.С. Лескова. Автореф. дис. докт. филол. наук (С.-Петерб. гос. ун-т). – СПб., 2010.

направлении великосветских сектантов и в нравах крестьян, держащихся учения, называемого «штундою». Ясно, что это совсем иное поле и иные ягоды, и петербургский барчук, расстрелявший барышню, у штундистов не подпевал бы под гармониум, а... попас бы свиней.^[2]

Неизбежно сталкиваясь не только с отрицательными сторонами жизни первых евангельских общин в России, великие писатели, в отличие от авторов конъюнктурных и поверхностных, обычно не спешили с однозначными выводами. Например, такой пронизательный критик зарождавшегося отечественного протестантизма как Ф.М. Достоевский оставил следующий отзыв об английском проповеднике лорде Г. Редстоке и гостеприимно принимавших его в своих домах русских аристократах:

Мне случилось его тогда слышать в одной «зале», на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно. А между тем он делает чудеса над сердцами людей; к нему льнут; многие поражены: ищут бедных, чтоб поскорей облагодетельствовать их, и почти хотят раздать свое имение. Впрочем, это может быть только у нас в России; за границей же он кажется не так заметен... Он производит чрезвычайные обращения и возбуждает в сердцах последователей великодушные чувства. Впрочем, так и должно быть: если он в самом деле искренен и проповедует новую веру, то, конечно, и одержим всем духом и жаром основателя секты.^[3]

Одновременно Ф.М. Достоевский недоумевал, зачем русским людям вообще понадобился протестантизм: «Ну какой в самом деле наш народ протестант и какой он немец? И к чему ему учиться по-немецки, чтобы петь псалмы? И не заключается ли всё, всё, чего ищет он, в православии? Не в нём ли одном и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества?»^[4]

Любопытное и психологически очень точное описание противоречивости и неоднозначности восприятия протестантских идей в России оставил также Л.Н. Толстой в романе «Воскресение» (1899):

Графиня Катерина Ивановна, как это ни странно было и как ни мало это шло к её характеру, была горячая сторонница того учения, по которому считалось, что сущность христианства заключается в вере в искупление. Она ездила на собрания, где проповедовалось это бывшее модным тогда учение, и собирала у себя верующих. Несмотря на то, что по этому учению

^[2] Лесков Н. Два свинопаса // Лесков Н.С. Зеркало жизни. – СПб.: Библия для всех, 1999. – С. 467-468.

^[3] Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1876 г., март. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти тт. – Т. 13. – СПб.: Наука, 1994. – С. 112-114.

^[4] Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1873 г. // Собр. соч. в 15-ти тт. – Т. 12. – С. 70. Вместе с тем, позднее он неоднократно высказывался куда менее оптимистично, напр.: «Церковь в параличе с Петра Великого. Страшное время...» – Достоевский Ф. Дневник 1881 г. // Достоевский Ф. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 27. – Л.: Наука, 1984. – С. 49.

отвергались не только все обряды, иконы, но и таинства, у графини Екатерины Ивановны во всех комнатах и даже над её постелью были иконы, и она исполняла всё требуемое церковью, не видя в этом никакого противоречия.^[5]

Следует заметить, что существуют и более поздние сообщения о подобных коллизиях среди части новообращённых русских баптистов (и особенно *баптисток*), которые, по некоторым сведениям, не столько убрали из своих домов православные иконы, сколько *прибрали* их («до лучших времён», как даже выразилась одна из них).^[6] Такого рода неопределённость и половинчатость решений, разумеется, не устраивали ни православных священников, ни баптистских пресвитеров. Вместе с тем, во всём этом есть нечто глубоко символическое и закономерное, и уж, конечно, случается такое весьма по-русски: даже решительно порывая с РПЦ, всячески критикуя её, многие люди по-прежнему, вольно или невольно, сохраняют православное – в своей основе – мышление, или такое специфическое мировосприятие, когда протестантизм, приветствуемый умом, далеко не столь однозначно принимается сердцем.

Хотя критическое отношение к «вере реформаторов» в отечественной классической литературе, по-видимому, преобладает (вспомним у Пушкина: «Чем ныне явится?.. Гарольдом, квакером, ханжой, иль маской щегольнет иной»^[7]), нельзя сказать, чтобы русские писатели и поэты отзывались о западных вероисповеданиях только отрицательно. Вовсе нет. Вместе с тем в данном вопросе, очевидно, можно выделить одну занятную закономерность: пока протестантизм находился где-то у себя, на Западе (а если отчасти и в России, то лишь среди «немцев» – переселенцев), многие русские авторы ему даже симпатизировали, что по-своему объяснимо: ведь эти «отважные протестанты» восстали против «латинской ереси»! А наибольшую неприязнь у ревностных православных людей исторически всё-таки вызывал католицизм, а не протестантские верования.^[8] Например, у Н.М. Карамзина читаем такие строки: «Явился бедный инок Мартин Лютер, который свергнув с себя монашескую одежду и держа в руке Евангелие, смел назвать папу антихристом: уличал его в обманах, в корыстолюбии, в искажении святыни...»^[9]

^[5] Толстой Л.Н. Воскресение. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 145. Анонимный автор в журнале, редактируемом Ф.М. Достоевским, в те годы иронически писал: «...*Религиозное* настроение дам петербургского большого света... Бальные платья сложены на время в сундуки, они принялись любить Христа в честь прибывшего в Петербург нового апостола христианства, англичанина лорда Редстока!» – Новый апостол в петербургском большом свете // Гражданин. – 1874. – №8.

^[6] Напр., автору доводилось слышать эмоциональное свидетельство на эту тему одного пресвитера общины ЕХБ из Казах-

стана, сославшегося сразу на несколько такого рода «странных историй».

^[7] Пушкин А.С. Евгений Онегин. VIII, 8.

^[8] См., напр.: Цветаев Д. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. – М.: Университетская типография, 1890. – С. 4-7. А православный богослов Н.М. Зернов, напр., писал, что даже разрушительное татарское нашествие не было столь опасным для Руси, как нашествие «латинского христианства». См.: N. Zernov, *The Russians and Their Church* (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1978), p. 22.

^[9] Карамзин Н. История государства Российского. – М.: Эксмо, 2009. – С. 588.

Однако тот же самый протестантизм, едва он пересекал «священные рубежи» Отечества Российского (или через «немцев-еретиков» внутри страны становился хоть сколько-нибудь доступен православным), тут же оказывался категорически неприемлемым: «протестантство у нас невозможно... мы стоим на совершенно иной почве»;^[10] «мы сами себе протестанты, поскольку обличили Рим намного веков раньше Лютера», и т.д. Или как ещё в 1570 г., со свойственной ему прямоотой, государь Иван Грозный писал Яну Роките, пастору общины моравских братьев, когда последний осмелился защищать перед русским самодержцем некоторые протестантские взгляды:

«Ты не только еретик, но и слуга антихристового дьявольского совета. Едва ли не больший, чем Лютер. Впредь своего учения в нашей стране не объявляй. Господа нашего Иисуса Христа, всех Спасителя, прилежно молим, чтобы наш российский род сохранил от тьмы неверия вашего».^[11]

Такое отношение к протестантизму *внутри страны*, в основных чертах, сохранилось в России и в последующие столетия. Однако отечественное православие от этого едва ли выиграло. Ведь то была не победа в свободной дискуссии с протестантами, а лишь грозный окрик на инакомыслящих.

Если бы в протестантизме вовсе ничего не было, касавшегося русской христианской души, то тонко чувствующий вопросы веры, один из величайших российских поэтов Ф.И. Тютчев — в немалой степени, кстати, разделявший взгляды славянофилов и панславистов^[12] — не написал бы свои известные строки:

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.^[13]

На фоне глубокого кризиса государственной Церкви в конце XIX — начале XX вв. в российском обществе не столь уж редко звучали голоса в защиту сектантов — особенно когда *сверху* вдруг объявлялась очередная нецивилизованная кампания по их преследованию. Хорошо известны, например, выступления Л.Н. Толстого и его горячее участие в нуждах духоборов.^[14] В одной из своих «заступнических» работ он заметил:

^[10] Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Хомяков А.С. Церковь одна. — М.: Дарь, 2005. — С. 97.

^[11] Иван IV Грозный. Сочинения. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 115.

^[12] Напр., он мечтал об отвоевании у турок Константинополя: «...*Уж не пора ль, перекрестясь, ударить в колокол в Царьграде... О Русь, велик грядущий день, вселенский день и православный!*» Тютчев Ф. Стихотворения. — М.: Правда, 1978. — С. 168. О некоторых

«европейских» особенностях славянофильства Тютчева см. замечательную работу: Бухштаб Б. Русские поэты. — Л.: Художественная литература, 1970. — С. 9-75.

^[13] Тютчев Ф. Стихотворения. — С. 108.

^[14] См., напр.: Послесловие к статье П.И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 г.», Письмо в иностранные газеты по поводу гонений на кавказских духоборов // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. — Т. 39. — М.: ГИХЛ, 1956. — С. 99-105, 209-215.

Полудикие казаки, бывшие духоборов по приказанию начальников, очень скоро «заскучали», ...т.е. совесть начала мучить их, и начальство, боясь вредного влияния на них духоборов, поспешило вывести их оттуда. Ни одно гонение невинных людей не кончается без того, чтобы люди из гонителей не переходили к убеждениям гонимых.^[15]

Давление, оказанное на российские власти общественным мнением западных протестантских стран и демократической оппозицией внутри империи, не позволило полностью лишить сектантов гражданских прав. По одному из свидетельств той эпохи, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев сетовал, что сектанты «наполняют Европу своими жалобами».^[16]

Исходя из общих демократических ценностей, а также движимые личным («неказённым») восприятием православия, многие русские писатели и общественные деятели самоотверженно отстаивали право на свободу убеждений своих соотечественников, первых российских протестантов. В этой связи необходимо выделить особенно гражданскую позицию: В.С. Соловьёва,^[17] А.М. Бобрищева-Пушкина,^[18] А.С. Пругавина,^[19] А.Ф. Кони,^[20] С.П. Мельгунова^[21] и др. Так, выдающийся философ Владимир Соловьёв писал Победоносцеву в 1892 г.:

Политика религиозных преследований... истожила небесное долготерпение... Между тем со всех сторон, от восточной Сибири и до западной окраины Европейской России идут вести, что эта политика не только не смягчается, но ещё более обостряется. Миссионерский съезд в Москве с небывалым цинизмом провозгласил бессилие духовных средств борьбы с расколом и сектантством и необходимость светского меча.^[22]

В статье «О духовной власти в России» В.С. Соловьёв с горечью констатировал некоторые отличительные черты исторического пути Русской церкви (во времена нелучших её предстоятелей): «Сначала, при Никоне, она тянулась за *государственной короной*, потом крепко схватилась за *меч государственный* и наконец принуждена была надеть *государственный мундир*».^[23]

Печальное положение дел с правами отечественных протестантов отмечал также известный историк С.П. Мельгунов:

^[15] Там же. – С. 103.

^[16] См.: Савинский С. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917). – СПб.: Библия для всех, 1999. – С. 171.

^[17] См., напр.: Соловьёв В. О духовной власти в России // Соловьёв В. Собрание сочинений. В 9 тт. – Т. 3. – СПб.: Общественная польза, 1901. – С. 206–220.

^[18] См., напр.: Бобрищев-Пушкин А. Суд и раскольники-сектанты. – СПб.: Сенат. типография, 1902.

^[19] См., напр.: Пругавин А. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. – М.: Посредник, 1905.

^[20] См., напр.: Кони А. Штундисты // Кони А. На жизненном пути: из записок судебного деятеля. В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. – С. 600–632.

^[21] См., напр.: Мельгунов С. Церковь и государство в России (К вопросу о свободе совести). – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1907.

^[22] К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. – Т. 1, кн. 2. – М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. – С. 969.

^[23] Соловьёв В. О духовной власти в России // Соловьёв В. Собрание сочинений. В 9 тт. – Т. 3. – СПб.: Общественная польза, 1901. – С. 214.

«Вопросы о свободе совести личности и свободы исповедания, сами по себе трудно регламентируемые какими-либо административными предписаниями, не могут подлежать ведению исполнительной полицейской власти...»^[24]

Рассчитывая защитить православие административно-бюрократическими методами, включавшими в себя грубое принуждение, т.е. фактически средневековыми мерами, некоторые священнослужители на самом деле нанесли Церкви трудно поправимый нравственный урон. По точному определению знатока народной духовной жизни, русского писателя П.И. Мельникова (Печерского): «Оттого [в России] духовенство не уважается народом, что само оно представляет непрерывные примеры неуважения к вере».^[25]

Тем не менее, в период формирования первых штундистских и баптистских общин в 1860-е – 1870-е годы, отнюдь не все сектанты стремились к разрыву с православием. Существуют свидетельства о том, что многие из них ещё годами посещали храмы, пели православные гимны, обращались к приходским священникам с нуждами о венчании, погребении и проч., хотя уже имели собственные собрания.^[26] Процесс размежевания с официальной Церковью значительно ускорили гонения, которым с определённого момента отечественные сектанты начали массово подвергаться.^[27]

В то время как в Европе идеи свободы совести и веротерпимости, пройдя свой трудный путь эволюции,^[28] ко второй половине XIX века представляли собой уже общепринятую норму, в России по-прежнему безраздельно господствовала архаичная византийская *симфония* Империи и государственной Церкви. Этот очевидный диссонанс в направлениях развития христианской культуры Запада и Востока, негативные стороны отечественной самоизоляции и чрезмерной идеализации старины русский философ В.В. Розанов выразил следующей притчей:

Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны и завещала крепко их хранить России. Россия, у постели умирающего, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему – смер-

^[24] Мельгунов С. Штундисты или баптисты? По поводу судебного преследования сектантов по 29 ст. Устава о наказаниях // Русская мысль. 1903. – кн. XI. – С. 166.

^[25] Мельников П. Записка о русском расколе // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Сост. В. Кельсиев. Вып. 1. – Лондон: Trubner & Co., Paternoster Row, 1860. – С. 189.

^[26] См., напр.: Бороздин А. Штундизм // Христианство. Энциклопедический словарь. Ред. С. Аверинцев. В 3-х тт. – Т. 3. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – С. 247.

^[27] Подробный обзор дореволюционных законов и полицейских циркуляров, направленных против русских сектантов, см., напр.: Савинский С. Указ. соч. (1867–1917). – С. 169-189, 217-238; A. Blane, “The Relations between the Russian Protestant Sects and the State, 1900–1921” (PhD thesis, Duke University, 1964), pp. 26-97.

^[28] Например, чудовищная испанская инквизиция официально просуществовала до 1834 года. См.: Peters E. “Inquisition”, in: Marthaler, B., ed., *New Catholic Encyclopedia*, 2nd ed., 15 vols., (Detroit: Gale, 2003), v. VII, p. 490.

тельной ненависти к племенам западным... Византия нашептала России, что «устав», «уставность» – это-то и есть главное в религии, сущность веры... Дитя-Россия испуганно приняла эту непонятную, но святую для неё мысль и совершила все усилия, гигантские, героические, до мученичества и самораспятия, чтобы отроческое существо своё вдавить в формы старообразной мумии, завещавшей ей свои вздохи.^[29]

Хотя данное мнение, вероятно, следует отнести к числу крайних, оно по своему тоже отражает дух эпохи, когда прежнее православие в России (в смысле государственной религии) себя исчерпало, а равнодушные к этому вопросу люди только и говорили, что о необходимости реформ. Идея Собора, великого и беспрецедентного в новейшей истории, витала в воздухе.^[30] Зреющий в недрах империи отечественный протестантизм – очевидно, ставший закономерной реакцией на упомянутые проблемы РПЦ и одним из откликов на новый исторический путь развития России в 1860-е – 1870-е годы – также побуждал Церковь к безотлагательным действиям.

Выдающийся украинский поэт Т.Г. Шевченко, которого трудно было бы заподозрить в пристрастии к исследуемой нами теме и потому более объективно (в сравнении с православным священством и сектантскими проповедниками) выражавшего религиозные настроения простого народа, в одном из своих поздних стихотворений, накануне широкого евангельского движения на Украине, писал вполне в духе штундизма:

Не знают веры без креста,
 Не знают веры без попа...
 Обманут люди
 И византийский Саваоф
 Обманет! Не обманет Бог...
 Поможет горе донести,
 Беду схоронит ночью тёмной
 В хибаре тихой и весёлой.^[31]

Тем не менее, несмотря на всё вышесказанное и бесчисленные *внешние* отличия отечественного баптизма от православия, *внутренне* они парадок-

^[29] Розанов В. Русская Церковь // Полярная звезда. – 1906. – №8. – С. 525.

^[30] См., напр.: Римский С. Российская Церковь в эпоху великих реформ. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. – С. 190-214; Шкаровский М. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. – С. 68-71.

^[31] Шевченко Т. Ликере [1860] // Шевченко Т. Зібрання творів. – К.: Наукова думка, 2003. – Т. 2. – С. 351. Перев.: В. Безверхий. URL: <http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=105784>. Из знаменитых

украинских предшественников отечественного протестантизма можно упомянуть также философа Г.С. Сковороду, симпатизировавшего «духовным христианам» с их простой обрядностью и оставившего, напр., такие строки: «Тот ближе всех до неба, кому ничего не треба». О близком общении Сковороды с духоборами см.: Каретникова М. Русское богоискательство // Альманах по истории русского баптизма. Вып. 1. – СПб.: Библия для всех, 1999. – С. 60-66; Решетников Ю., Санников С. Обзор истории евангельско-баптистского братства на Украине. – Одесса: Богомыслие, 2000. – С. 62-63.

сальным образом непрестанно являли поразительное единство русского национально-религиозного чувства. Неслучайно многие — и православные россияне, и отечественные протестанты — столь любили порассуждать, например, о некоей промыслительной («усмотренной Богом») *самобытности* и особой важности — едва ли не вселенского масштаба — христианства на Руси. Ещё царь Иван Грозный задал этот великодержавный тон: «Греки для нас не Евангелие. Мы верим Христу, а не грекам. Мы получили веру при начале христианской Церкви».^[32]

И русский учёный муж иеромонах А. Суханов, некогда привезший с Афона для патриарха Никона множество древних православных рукописей, в своих «Прениях о вере» (1650) утверждал: «Слушайте, греки, и внимайте, и не гордитесь и не называйте себя источником, ибо ныне Господне слово исполнилось на вас: были вы первые, а ныне стали последние, а мы были последние, а ныне первые...»^[33]

Данную традицию охотно поддержал протопоп Аввакум, который в своей знаменитой речи к греческим патриархам (1667), в частности, заявил: «...У вас православие пестро стало от насилия туркского Магомета... Немощны стали. И впредь приезжайте к нам учиться: у нас Божиею благодатию самодержавство».^[34] А самого царя Алексея Михайловича мятежный протопоп наставлял так: «Скажи по-русски: “Господи, помилуй меня, грешного!”» *А кирелейсон*^[35] отставь, так элины говорят — плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком... Как нас Христос научил, так и подобает говорить».^[36]

И в более позднее время подобные мысли не оставляли почтенных православных авторов. Например, у того же Н.С. Лескова читаем: «Тут, что нам господа греки ни толкуй и как ни доказывай, что мы им обязаны тем, что и Бога через них знаем, а не они нам его открыли; — не в их пышном византийстве мы обрели Его в дыме каждений, а Он у нас свой, притоманный и по-нашему, попросту, всюду ходит...»^[37]

И подобных примеров из отечественной литературы можно привести ещё немало. При этом вот что характерно и особенно примечательно: данные идеи и художественные образы типологически удивительно схожи с бесчисленными заявлениями и пафосом многих отечественных евангельских авторов, горячо полемизировавших с невыносимой для них мыслью о том, что отечественные протестанты как бы «не вполне русские», поскольку переняли какие-то религиозные взгляды «от немцев».

^[32] Цит. по: Карташев А. Был ли апостол Андрей на Руси? // Христианское чтение. — 1907. — №7. — С. 93. См. также: Голубинский Е. История Русской Церкви. В 2-х тт. — Т. 1. кн. 1. — М.: Университетская типография, 1901. — С. 27.

^[33] Суханов А. Прения о вере // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — Кн. 2. — 1894. — С. 99-100.

^[34] Житие Аввакума и другие его сочинения. — М.: Советская Россия, 1991. — С. 60.

^[35] Господи, помилуй! (греч.)

^[36] Житие Аввакума и другие его сочинения. — С. 273.

^[37] Лесков Н. На краю света // Лесков Н. Собрание сочинений. В 12-ти тт. — Т. 1. — М.: Правда, 1989. — С. 348.

Одним из первых среди отечественных баптистов, на рубеже XIX – XX вв., эту тему поднял известный служитель В.В. Иванов, говоривший так: «Баптизм в России... гораздо более самобытен и национален, чем византийское православие, и даже более: он совершенно самобытен, т.е. возник без малейшего влияния немецких баптистов».^[38]

С.Н. Савинский, влиятельный историк братства ЕХБ, с некоторыми оговорками продолжил «апологетическую» линию В.В. Иванова. Например, Савинский в своём анализе причин зарождения евангельских общин в России в XIX веке на первое место поместил прямое действие Божье: «Кто, как ни Дух Святой, побудил ничего не значащих в мире, скромных, но сильных духом книгонош?... Не удивляет ли нас “стихийное” возникновение Общества для распространения Священного Писания в России?... Загадкой остаётся самобытное евангельское пробуждение среди молокан Закавказья... одновременно с пробуждением на юге Украины... Это может быть объяснено только действием Духа Святого».^[39]

Подобные мысли неоднократно высказывала и М.С. Каретникова: «Украинские крестьяне не перенимали “немецкой веры”! Никто из них не стал лютеранином, реформатом или меннонитом... При господствующем в народе ужасном религиозном невежестве и суевериях штундизм надо считать чудом Божьей милости к нам».^[40]

С.В. Санников также отрицает сколько-нибудь значительное немецкое влияние на славянский протестантизм: «Эта идеологизированная точка зрения не находит подтверждения в исторических фактах».^[41]

«Никто из них (немецких миссионеров. — К.П.) не “совратил” в баптизм ни одного православного...»; «таким образом, обнаруживается историческая правда о том, что русско-украинский баптизм не является насаждением извне... а является результатом исканий живого общения с Богом, исходящих из глубины народного духа, пробуждённого Духом Святым и Словом Божиим», — в патриотическом ключе завершает свои размышления по теме С.Н. Савинский.^[42]

Мы не говорим сейчас о том, насколько правильны или неверны такого рода утверждения (на наш взгляд, они несколько односторонни), но — насколько они типологически созвучны с той апологетической школой русского православия, в которой столь явно различимы горделивые нотки дистанцирования от греков. И православные, и баптистские авторы в России, надо заметить, обычно легко признают заимствования отдельных атрибутов своей

^[38] Иванов В. Книга епископа Алексия // Баптист. — 1908. — №9. — С. 24.

^[39] Савинский С. Указ. соч. (1867–1917). — С. 162.

^[40] Каретникова М. Русское богоискательство. — С. 77. Интересно, что баптизм в России с самого начала стал движением интернациональным, включавшим в себя представителей многих народностей, в отличие, напр., от меннонитства и лютеранства (пре-

имущественно немецких вероисповеданий в Российской империи).

^[41] Санников С. Двадцать веков христианства. В 2-х тт. — Т. 2. — Одесса: Богомыслие, 2001. — С. 511–512.

^[42] Савинский С. Баптисты в России в XIX веке // История баптизма: Сборник, вып. 1. Сост. С. Санников. — Одесса: ОБС, 1996. — С. 334, 343.

религиозной жизни (например, каких-то обрядов). Однако дальше этого идут нечасто. В большинстве своём православные люди и баптисты в России категорически не согласятся с тем, что у них «иностранный вера», даже если при этом их аргументы будут не самыми убедительными.

Так, всегда в избытке находились русские православные мыслители, которые, минуя греков, усматривали начало отечественного христианства непосредственно в миссионерских трудах апостола Андрея. Вот характерные для данной традиции заявления: «Спросили Арсения: “откуда же вы приняли веру, как не от нас, греков?” Арсений: “мы веру приняли от Бога, а не от вас и крещение приняли изначально от св. апостола Андрея... В то время, как св. ап. Андрей был в Царьграде, приходил он Черным морем и к нам, и мы от него тогда же приняли крещение, а не от греков”»,^[43] «воистину Россия ничем не меньше других восточных народов, ибо и в ней просветителем был апостол».^[44]

Стоит ли после этого удивляться, что существуют и отечественные баптисты, которые увлечённо выводят свои *протестантские* убеждения если не от самого Иоанна Крестителя (Иоанна Баптиста – по-гречески), то уж точно не из европейской Реформации, а как минимум – от новгородских стригольников, что жили за полтора века до Мартина Лютера. Вежливо оговариваясь: «пусть не обижаются на нас немецкие братья»,^[45] они затем предпринимают смелые экскурсы в русскую историю. Следующие несколько цитат из работ уважаемых авторов, несомненно, в какой-то мере отражают общественное мнение в братстве ЕХБ и достаточно хорошо иллюстрируют ситуацию:

В XIV столетии разрозненные вспышки религиозного протеста выливаются в крупное *протестантское* движение, известное под названием стригольничества. Сегодняшние российские баптисты считают стригольников своими отдалёнными предшественниками, усматривая в их вероучительной программе и жизненной практике много родственных элементов.^[46]

Из характеристики учения стригольников, христиан-евангелистов XIV – XV вв., устанавливается большое сходство с верующими евангельского пробуждения XIX столетия в России... Движение стригольников... явилось «самородным продуктом русского ума».^[47]

Евангельскому движению в России предшествовали... богомилы (XII век), стригольники (XIV век), беспоповцы (XVII век), духоборы и молокане (XVIII век), штундисты (XIX век).^[48]

^[43] Цит. по: Карташев А. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х тт. – Т. 2. – Париж: YMCA-PRESS, 1991. – С. 126-127.

^[44] Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. – Кн. V: История России с древнейших времён. – Т. 9-10. – М.: Мысль, 1990. – С. 414.

^[45] Эту фразу автору доводилось неоднократно слышать от убеждённых «почвенников» среди отечественных баптистов.

^[46] Попов В. Протестанты земли русской // НГ – Религии. 2007. 19 сент.

^[47] Савинский С. Стригольники // Альманах «Богомыслие», 1990. – № 1. – С. 188.

^[48] Трубочик В. Вера и традиция. Кобрин: Союз ЕХБ в Респ. Беларусь, 2007. – С. 271. См. также обширный исторический обзор зарождения российского протестантизма в работе пятидесятилетнего автора: Франчук В. Просила Россия дождя у Господа. В 3-х тт. – Киев, 2001–2003.

Выслушав подобные апологетические заявления представителей обеих сторон (как РПЦ, так и ЕХБ), критически мыслящий человек, на наш взгляд, непременно отметит их общее слабое место: горячее желание представить реальную историю своих конфессий несколько более древней и славной, чем это возможно доказать научно. В то же время трудно не заметить удивительное *единство духа* защитников своих церквей, то единство, которое парадоксальным образом, впрочем, тут же подталкивает православных и баптистов на непримиримое противостояние друг другу.

Подобно иудеям, долго и эмоционально не соглашавшимся с тем правом, которое имеет Церковь, чтобы основываться, на *их* (исторически) Священном Писании и религиозной традиции, или подобно тем же «заносчивым грекам», многие авторы РПЦ, по-видимому, по сей день не могут примириться с мыслью о том, что отечественный протестантизм имеет живые корни в восточно-христианской (православной) традиции.^[49] И что не менее странно и симптоматично: не только представители РПЦ, но и многие русские баптисты зачастую не хотят о таком даже слышать, не желают признавать своей очевидной, с исторической точки зрения, духовно-родственной связи с православием.^[50] Проблема здесь, по-видимому, среди прочего, заключается в крайней неоднородности отечественного баптизма: «западники» охотнее признают иностранное происхождение братства, а «славянофильское» крыло ЕХБ скорее согласится с влиянием православия (лишь бы не «немцы»). А иные из русских баптистов и вовсе скажут, подобно А. Суханову: «мы веру приняли от Бога» (и точка).^[51]

В одной из своих книг протоиерей И. Мейендорф обращает внимание на то, что Тертуллиан даже после ухода в монтанизм написал ряд значительных и православных по духу богословских трудов.^[52] И у того же Тертуллиана одним из самых известных и важных произведений остаётся «О прескрипции против еретиков». Таким образом, ересь — сложное и не всегда уловимое понятие.^[53] Формальный еретик Тертуллиан на поверку оказывается *православным*, а немалое число номинально православных богословов во все века являли шокирующий *сектантский дух*, нетерпимость к инакомыслию.^[54]

^[49] Крайние апологеты РПЦ скорее отдадут предпочтение полному неверию (лишь бы не «инославие», не протестантизм), утверждая, что коммунисты «промыслительно берегли» Россию для грядущего торжества православия. См., напр.: Подберезский И. Протестанты и другие. — СПб.: Мирт, 2000. — С. 66-67.

^[50] «То была не мать нам, а злая мачеха!» — нередко говорят они о РПЦ, вспоминая старые обиды и притеснения. Напр., свидетельство пресвитера церкви ЕХБ В.Н. Хотько (Петропавловск, Казахстан, 1999).

^[51] Суханов А. Прения о вере. С. 40. Фактически к такому утверждению близко под-

ходят некоторые современные конфессиональные историки ЕХБ.

^[52] Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс — Москва: Весть, 1992. — С. 52.

^[53] Напр., протоиерей О. Стеняев любопытно истолковал евангельскую притчу о милосердном самарянине применительно к нашему времени: православный священник, спеша на требы, пробежал мимо страдающего, а вот некий сектант остановился, чтобы помочь, перевязать раны и т.д. См.: Православие.Ru (интернет-журнал). 2005. 1 фев. URL: <<http://www.pravoslavie.ru/news/print12544.htm>>.

Интересно отметить и тот факт, что многие члены общин ЕХБ всегда демонстрировали «несектантскую открытость», мягкость и даже какое-то добродушие по отношению к другим конфессиям (православным, пятидесятникам, меннонитам и т.д.), что нередко доходило до того, что они, например, с улыбкой пересказывали, а не замалчивали, расхожие православные обвинения в свой адрес: «баптисты — наиболее зловредная секта», «пригласила Катя-ка^[55] немца картошечку сажать, а он нам штунду насадил», и т.д.^[56] Думается, это один из признаков духовной зрелости отечественного баптизма.

Кто-то из христианских мыслителей заметил, что Божья истина слишком велика для любого одного ума, церкви или деноминации, но в вечности откроеется, что все мы на земле были не вполне правы. Нам не уйти от того факта, что православие и протестантизм — это «две провинции христианского мира».^[57] А русское православие и отечественный протестантизм — и вовсе из одной внутренней российской губернии. О подобном условно-географическом месте Н.В. Гоголь устами своего героя в «Ревизоре» сказал: «Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь».^[58] И потому отечественным христианам, даже принадлежащим к разным течениям и направлениям (так исторически сложилось), если они христиане не по названию только, не следует пренебрегать друг другом или болезненно выискивать вокруг себя неких злоумышленных иностранцев.

У российских протестантов, несомненно, возрастает интерес к экклезиологической тайне, к тому, что есть Церковь в своей мистической глубине, к священнодействиям, к общей с православием истории, присутствует любовь к творениям отцов Церкви, которые многими протестантами воспринимаются как «наши отцы». С другой стороны, у православных людей растёт осознание важности Библии, необходимости её регулярного чтения, повышается роль крепкой церковной общины, живой и доступной евангельской проповеди. Этих точек соприкосновения, думается, достаточно для начала уважительного и плодотворного диалога.

В.С. Соловьев в своей поздней книге «Три разговора» (1900) хорошо показывает многогранность Божьей истины и объясняет деноминационные различия в христианском мире особенностями следования разных народов по стезям трёх величайших апостолов Христа (и новозаветных авторов): с именем Петра связывается римо-католичество, с Иоанном — православие, с Павлом — протестантизм.^[59] И лучшие последователи каждой из христианских

^[54] Об этом лучше архиеп. И. Шаховского не скажешь. См.: Архиеп. Иоанн (Шаховской). Сектантство в Православии и Православие в сектантстве // Православная община. — 1992. №4. — С. 71-77.

^[55] Речь идёт о российской императрице Екатерине II.

^[56] На этот факт внимание автора в 2006 г. обратил историк С.Н. Савинский.

^[57] H. Stammeler, “Russian Orthodoxy in Recent Protestant Church History and Theology”, *St. Vladimir’s Theological Quarterly*, nos. 3-4 (1979), p. 215.

^[58] Гоголь Н.В. Ревизор, действ. 1, явл. I.

^[59] См.: Соловьев В. Три разговора // Соловьев В. Сочинения в 2-х тт. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 635-762.

традиций, согласно Соловьеву, не только не враждуют между собой, но значительно обогащают и дополняют духовный опыт друг друга. К этой же цели, очевидно, надлежит стремиться христианам и сегодня.

Сказанное не отменяет корректно выраженных критических замечаний друг другу или, тем более, христианской самокритики. Например, в отличие от части баптистов Грузии, с некоторых пор, на наш взгляд, открыто ставших на путь *стилизации* своей богослужебной практики под национально-православную старину,^[60] славянские церкви ЕХБ, как правило, выступают категорически против подобного подхода. В выборе грузинских баптистов нам чувствуется некая искусственность: их внешняя «православная форма», похоже, далеко опередила «баптистское содержание» — во всяком случае, такое заключение можно сделать, исходя из конфессиональной истории братства ЕХБ, его вероучения, определённой «евангельской» субкультуры, сложившейся за последние 150 лет. А в церковной жизни славянских баптистов наблюдаются прямо противоположные тенденции: здесь вполне могут осудить за какие-то формальные, внешние атрибуты РПЦ, замеченные у членов церкви (крестики, иконки и т.д.), но одновременно с кафедры будут произноситься глубоко православные — по *сути*, и по *духу* — проповеди.

За бушующим на поверхности вот уже полтора столетия драматическим конфликтом православных и баптистов в России нередко скрываются по-разному выраженные, общеславянские — близкие и родственные — идеи...

Библиография

- Голубинский Е. История Русской Церкви. В 2-х тт. — Т. 1., кн. 1. — М.: Университетская типография, 1901.
- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти тт. — Т. 12, 13. — СПб.: Наука, 1994.
- Житие Аввакума и другие его сочинения. — М.: Советская Россия, 1991.
- Иван IV Грозный. Сочинения. — СПб.: Азбука, 2000.
- Иванов В. Книга епископа Алексея // Баптист. — 1908. — №9. — С. 23-27.
- Ильинская Т. Феномен «разноверия» в творчестве Н.С. Лескова. Автореф. дис. докт. филол. наук (С.-Петербург. гос. ун-т). СПб., 2010.
- Иоанн (Шаховской), архиеп. Сектанство в Православии и Православие в сектантстве // Православная община. — 1992. — №4. — С. 71-77.
- История баптизма: Сборник, вып. 1. Сост. С. Санников. — Одесса: ОБС, 1996.
- Карамзин Н. История государства Российского. — М.: Эксмо, 2009.
- Каретникова М. Русское богоискательство // Альманах по истории русского баптизма. — Вып. 1. — СПб.: Библия для всех, 1999. — С. 3-84.
- Карташев А. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х тт. — Париж: YMCA-PRESS, 1991.
- К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. — М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. — Т. 1, кн. 2.
- Лесков Н.С. Зеркало жизни. — СПб.: Библия для всех, 1999.
- Лесков Н. Собрание сочинений. В 12-ти тт. — Т. 1. — М.: Правда, 1989.
- Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс — Москва: Весть, 1992.
- Подберезский И. Протестанты и другие. — СПб.: Мирт, 2000.
- Попов В. Протестанты земли русской // НГ — Религии. 2007. 19 сент.

^[60] См., напр.: W.B. Boswell, "Liturgy and Revolution Part II: Radical Christianity, Radical Democracy, and Revolution in Georgia", *Religion in Eastern Europe*, vol. XXVII, no. 3 (2007), pp. 15-31; Международная христианская газета. — 2005. — №7. — С. 6.

- Римский С. Российская Церковь в эпоху великих реформ. — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999.
- Розанов В. Русская Церковь // Полярная звезда. — 1906. — №8. — С. 524-540.
- Решетников Ю., Санников С. Обзор истории евангельско-баптистского братства на Украине. — Одесса: Богомыслие, 2000.
- Савинский С. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917). — СПб.: Библия для всех, 1999.
- Санников С. Двадцать веков христианства. В 2-х тт. — Т. 2. — Одесса: Богомыслие, 2001.
- Соловьев В. Сочинения в 2-х тт. — М.: Мысль, 1990.
- Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. — Кн. V: История России с древнейших времён. — Т. 9-10. — М.: Мысль, 1990.
- Савинский С. Стригольники // Альманах «Богомыслие». — 1990. — №1. — С. 183-190.
- Суханов А. Прения о вере // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — Кн. 2. — 1894. — С. 24-101.
- Толстой Л.Н. Воскресение. — М.: Художественная литература, 1984.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 39. — М.: ГИХЛ, 1956.
- Трубчик В. Вера и традиция. — Кобрин: Союз ЕХБ в Респ. Беларусь, 2007.
- Тютчев Ф. Стихотворения. — М.: Правда, 1978.
- Франчук В. Просила Россия дождя у Господа. В 3-х тт. — Киев, 2001-2003.
- Хомяков А.С. Церковь одна. — М.: Дарь, 2005.
- Христианство. Энциклопедический словарь. Ред. С. Аверинцев. В 3-х тт. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1993–1995.
- Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. — М.: Университетская типография, 1890.
- Шевченко Т. Зібрання творів. — Т. 2. — К.: Наукова думка, 2003.
- Шкаровский М. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999.
- Blane, A., "The Relations between the Russian Protestant Sects and the State, 1900–1921" (PhD thesis, Duke University, 1964).
- Boswell, W., "Liturgy and Revolution Part II: Radical Christianity, Radical Democracy, and Revolution in Georgia", *Religion in Eastern Europe*, vol. XXVII, no. 3 (2007), pp. 15-31.
- Marthaler, B., ed., *New Catholic Encyclopedia*, 2nd ed., 15 vols., (Detroit: Gale, 2003), v. VII.
- Stammler, H., "Russian Orthodoxy in Recent Protestant Church History and Theology", *St. Vladimir's Theological Quarterly*, nos. 3-4 (1979), pp. 207-216.
- Zernov, N., *The Russians and Their Church* (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1978).